

Фрик Т. Б.

ОБРАЗ ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В ЖУРНАЛЕ А. С. ПУШКИНА "СОВРЕМЕННОСТИ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/95.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 227-228. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Поэтические вольности могут реализовываться в отклонении не только от фонетических, но и от иных языковых норм. Вероятнее всего, намеренные отклонения от норм в целях художественной выразительности появились в поэзии уже тогда, когда сформировалась сама языковая норма, поэтому использование поэтических вольностей - это, прежде всего, черта любого развитого языка. Использование поэтических вольностей для достижения артикуляционного благозвучия или как средства дополнительной экспрессии – характерная черта не только художественного, но и разговорного стиля языка, и требует определенного высокого уровня владения языком не только от автора, но и от его адресата.

Список использованной литературы

1. Квятковский А.П. Поэтический словарь. - М., 1966.
2. Литературная энциклопедия. Т. 2. - М., 1929 // Литературная энциклопедия. В 11 т. - М., 1929 – 1939.
3. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частная классификации. - М., 2006.
4. García Barrientos J. L. Las figuras retóricas. El lenguaje literario 2. -2ª edición. – Madrid , 2000.

ОБРАЗ ГЕРОЯ ВРЕМЕНИ В ЖУРНАЛЕ А. С. ПУШКИНА «СОВРЕМЕННОК»

Фрик Т. Б.

Томский политехнический университет

Уже в самом названии – «Современник» – в предельно обобщенной форме обозначен важнейший образ, в котором сходятся все нравственные, временные, пространственные векторы, организующие пушкинский журнал - единый текст. Это обобщенный образ современника – героя времени. В текстовом пространстве журнала он (образ) находит массу отражений, что зафиксировано в названиях конкретных публикаций: «Пир Петра Первого», «Собрание сочинений Георгия Кониского», «Скупой рыцарь», «Родословная моего героя», «Вольтер», «Полководец», «Сапожник», «Джон Теннер», «Капитанская дочка», «Наполеон и Юлий Цезарь» и др.

Презентация исторического процесса с позиции субъекта, действующего в историческом пространстве, определяет вневременной, общечеловеческий аспект представления героической личности. Каждый является героем в том временном пространстве, в котором он существует, но позиция героической личности, способной повернуть ход истории, сохраняется, при этом для Пушкина важным аспектом проблемы является ситуация неочужденности роли героя современниками. Издатель «Современника» в своих публикациях создает мифологию неочужденного героизма: «Его [Грибоедова – Т. Ф.] <...> самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности» [Современник 1836: I, 48]. И тут же эмоциональный всплеск упрека современникам в непрозорливости и самолюбии: «Люди верят только славе, и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствующий ни одною егерскою ротою <...>. Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит и наш голос» [Современник 1836: I, 48]. Тот же мотив неочужденности, непонимания истинной ценности человека и его поступков подхвачен в статье «Собрание сочинений Георгия Кониского»: «Как историк, Георгий Кониский еще не оценен по достоинству <...>» [Современник 1836: I, 109]. Сравните со строками из «Полководца», также опубликованного в пушкинском журнале: «О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха! / Жрецы минутного, поклонники успеха! / Как часто мимо вас проходит человек, / Над кем ругается слепой и буйный век, / Но чей высокий лик в грядущем поколении / Поэта приведет в восторг и в умиление» [Современник 1836: III, 194].

Образ героя определен временем. Время – один из структурообразующих факторов журнала как текстовой формы. Время «Современника» – историческое. Вчера, сегодня и завтра – звенья одной цепи. В пушкинском журнале образ героя мифологизирован и этот героический миф существует уже как бы над временем: «Треща горит костер; и вскоре пламя, воя, / Уносит к небесам бессмертный дух Героя» [Современник 1836: I, 191].

Историческое время для Пушкина воплощается в крупных событиях, переломах в национальном развитии, каковыми являлись для России Петровская эпоха с ее европеизацией русской культуры, крестьянское движение при Екатерине II, наполеоновские войны. Те моменты истории, которые находят отражение в публикациях «Современника», позволяют эксплицировать важнейшие историософские идеи. Можно говорить о том, что в «Современнике» Пушкин формирует особый историософский хронотоп.

В журнале герой времени – это личность со своими недостатками, чувствами, несбывшимися надеждами, но при этом личность необыкновенная: Петр I - «царь великий» [Современник 1836: I, 2], в Грибоедове все «необыкновенно привлекательно» [Современник 1836: I, 48], Георгий Кониский «один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории» [Современник 1836: I, 85-86], Н. А. Дурова – женщина «столь необыкновенная» [Современник 1836: II, 54] и т.п. Авторы «Современника» и прежде всего сам Пушкин на протяжении четырех томов пишут историю жизни замечательных людей, рассказывают о фактах их биографии, о тех делах, которые стали достоянием истории, будь то победа над врагом или подвиг поэта. Пушкин пишет книгу героя, в которой и заключена история, и неуважение к исто-

рии и к ее участникам воспринимает как величайшую ошибку века настоящего. Поэтому строки «Родословной моего героя», помимо субъективных аллюзий, вбирают весь пафос историософии Пушкина, воплощенный в отдельных публикациях «Современника»: «Мне жаль, что тех родов боярских / Бледнеет блеск и не имеет дух; / <...> Что русский ветреный боярин / Считает грамоты Царей / За пыльный сбор календарей / <...> Что геральдического льва / Демократическим копытом / Теперь лягает и осел: / Дух века вот куда зашел! Вот почему, архивы роя, / Я разбираю в досужный час / Всю родословную героя, / О ком затеял свой рассказ, И здесь потомству заповедал» [Современник 1836: III, 156].

Высшее гуманистическое начало, которое лежит в основе идеологии пушкинского «Современника», находит воплощение и в образе героической личности. Так, ярким примером этого становится жизнь и творчество Арно: «<...> это было смелое предприятие для молодого человека 24-х лет: возбудить участие к отворотительному Марию, человеку, наполнившему Италию кровью и кознями <...>; но г. Арно понял, что в глазах толпы нещастием искушаются преступления» [Современник 1836: II, 19]; «<...> не было человека добрее его. Не раз доказывал он это; не раз, занимая важную должность при университете, он подавал руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству» [Современник 1836: II, 26].

В основе позиции Пушкина – автора художественных произведений, редактора журнала, «лежит стремление к политике, которая возводит человечность в государственный принцип, не заменяющий человеческие отношения политическими, а превращает политику в человечность» [Лотман 1988: 120]. В «Современнике» интересным образом развивается позиция героя-властителя и власти по отношению к герою.

Рисую идеальный образ правителя, Пушкин во многих материалах дает примеры (часто в форме исторического анекдота) мудрых решений, достойных великих мира сего. И, кроме этого, издатель «Современника» проводит идею возможного влияния на правителя незаурядной, героической личности, пропагандирует понимание слова как орудия решения любого вопроса. Примерами этого служит опыт общения Г. Кониского с Екатериной II, которая во время коронации «с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих ее подданных» [Современник 1836: I, 87], посредством слова удалось Конискому воздействовать и на польского короля Станислава: «Король поражен был его словами. Он обещал свое покровительство диссидентам» [Современник 1836: I, 88]. К покровителю – герцогу – прибегают и герои «Скупого рыцаря» и только в его репликах звучат слова, соответствующие уровню нравственного поведения и адекватному восприятию реальности: «Я верю, верю: благородный рыцарь, / Таков как вы, отца не обвинит / Без крайности. Таких развратных мало ...» [Современник 1836: I, 125]; «Что видел я? Что было предо мною? / Сын принял вызов старого отца! / В такие дни надел я на себя / Цепь герцогов!» [Современник 1836: I, 130].

В этом же отношении показателен и фрагмент из статьи «Российская Академия», рассказывающий о записке «О древней и новой России» Карамзина, в связи с которым Т.И. Краснобородко акцентирует важнейшую для Пушкина проблему социального поведения писателя [Краснобородко 1989: 124]. Думается, тема «писатель и монарх» становится элементом более объемного пласта, связанного с разворачиванием проблемы героя времени в пушкинском журнале. Здесь принципиально передаваемое Пушкиным отношение к запискам Карамзина государя: «Государь прочел эти красноречивые страницы ... прочел, и остался по-прежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота...» [Современник 1836: II, 13]. Карамзин совершил поступок, достойный ратных подвигов, но и милосердный, благородный поступок государя возвел его в ранг героя, и именно этот, а не военный подвиг достоин великой оценки поколения настоящего и будущего.

Линия героизма, прочно связывающая материалы пушкинского журнала, очень многогранна, в ней выделяется как уровень предельно обобщенный, даже мифологический («Из А. Шенье»), так и уровень конкретной исторической личности, с образом которой связан определенный пласт представлений и знаний, но которая в свою очередь предьявлена с позиции необходимой Пушкину проблематики. Подобными принципами руководствуется издатель «Современника» и при создании образов Наполеона, Екатерины II и других героев, реальных и вымышленных, от Петра I до Петруши Гринева и Надежды Дуровой.

Разработка образа героя времени тесно связана с пушкинской философией самостоятельности, самостийности человеческой личности, нашедшей выражение в краткой формуле: «Самостоянье человека – залог величия его». Героизм отдельной личности, то есть ее величие, определяется, по Пушкину, ее характером, внутренним стержнем, своеобразным стоицизмом. Реализация идеи стоицизма прежде всего связана с особой философией поступка, действия. Герой времени воплощен в собственном поведении, цепи поступков. Таким образом, на страницах «Современника» формируется особый поведенческий текст героической личности.

Рассмотрение способов формирования образа героя времени дает возможность более объемно подойти к обозначению историософии пушкинского журнала. Герой времени – это не просто еще один лейтмотивный образ, а историософская категория, определяющая концептуальную проблематику пушкинского «Современника».

Список использованной литературы

1. Краснобородко Т. И. Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 122-133.
2. Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки». // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 107-124.
3. Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. СПб., 1836. Т. I-IV.